

ЖАН - ЖАК РУССО

ТРАКТАТЫ

Издание подготовили

В. С. АЛЕКСЕЕВ-ПОПОВ, Ю. М. ЛОТМАН,
Н. А. ПОЛТОРАЦКИЙ, А. Д. ХАЮТИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1969

ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ДОГОВОРЕ,
ИЛИ
ПРИНЦИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРАВА

Foederis aequas
Dicamus leges
Vir g[ilius]. Aeneid, XI*.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Этот небольшой трактат извлечен мною из более обширного труда¹, который я некогда предпринял, не рассчитав своих сил, и давно уже оставил. Из различных отрывков, которые можно было извлечь из того, что было написано, предлагаемый ниже — наиболее значителен, и, как показалось мне, наименее недостоин внимания публики. Остальное уже более не существует.

КНИГА I

Я хочу исследовать, возможен ли в гражданском состоянии какой-либо принцип управления, основанного на законах и надежного, если принимать людей такими, каковы они, а законы — такими, какими они могут быть². В этом исследовании я все время буду стараться сочетать то, что разрешает

---

* Мы расскажем о справедливых законах, основанных на договоре. В ер. [и ии]. Эпенда, XI, [321] (лат.).

право, с тем, что предписывает выгоды, так, чтобы не оказалось никакого расхождения между справедливостью и пользою³.

Я приступаю к делу, не доказывая важности моей темы. Меня могут спросить: разве я государь или законодатель, что пишу о политике. Будь я государь или законодатель, я не стал бы терять время на разговоры о том, что нужно делать, — я либо делал бы это, либо молчал.

Поскольку я рожден гражданином свободного Государства и членом суверена⁴, то, как бы мало ни значил мой голос в общественных делах, права подавать его при обсуждении этих дел достаточно, чтобы обязать меня уяснить себе их сущность, и я счастлив, что всякий раз, рассуждая о формах Правления, нахожу в моих розысканиях все новые причины любить образ Правления моей страны.

Гла́за I

ПРЕДМЕТ ЭТОЙ ПЕРВОЙ КНИГИ

Человек рождается свободным, но повсюду он в оковах⁵. Иной мпят себя повелителем других, что не мешает ему быть рабом в большей еще мере, чем они⁶. Как совершилась эта перемена? Не знаю. Что может придать ей законность? Полагаю, что этот вопрос я смогу разрешить.

Если бы я рассматривал лишь вопрос о силе и результатах ее действия, я бы сказал: пока народ принужден повиноваться и повинуется, он поступает хорошо; но если народ, как только получает возможность сбросить с себя ярмо, сбрасывает его, — он поступает еще лучше; ибо, возвращая себе свободу по тому же праву, по какому ее у него похитили, он либо имеет все основания вернуть ее, либо же вовсе не было оснований ее у него отнимать. Но общественное состояние — это священное право, которое служит основанием для всех остальных прав. Это право, однако, не является естественным; следовательно, оно основывается на соглашениях. Надо выяснить, каковы эти соглашения. Прежде чем приступить к этому, я должен обосновать те положения, которые я только что выдвинул.

Гла́за II

О ПЕРВЫХ ОБЩЕСТВАХ

Самое древнее из всех обществ и единственное естественное — это семья⁷. Но ведь и в семье дети связаны с отцом лишь до тех пор, пока нуждаются в нем. Как только нужда эта пропадает, естественная связь рвется. Дети, избавленные от необходимости повиноваться отцу, и отец, свободный от обязанности заботиться о детях, вновь становятся равно независимыми. Если они

и остаются вместе, то уже не в силу естественной необходимости, а добровольно; сама же семья держится лишь на соглашении.

Эта общая свобода есть следствие природы человека. Первый ее закон — самоохранение, ее первые заботы — те, которыми человек обязан самому себе, и как только он вступает в пору зрелости, он уже только сам должен судить о том, какие средства пригодны для его самосохранения, и так он становится сам себе хозяином.

Таким образом, семья — это, если угодно, прообраз политических обществ, правитель — это подобие отца, народ — детей, и все, рожденные равными и свободными, если отчуждают свою свободу, то лишь для своей же пользы. Вся разница в том, что в семье любовь отца к детям вознаграждает его за те заботы, которыми он их окружает, — в Государстве же наслаждение властью заменяет любовь, которой нет у правителя к своим подданным.

Гроций отрицает, что у людей всякая власть устанавливается для пользы управляемых⁸; в качестве примера он приводит рабство¹. Чаще всего в своих рассуждениях он видит основание права в существовании соответствующего факта. Можно было бы применить методу более последовательную, но никак не более благоприятную для тиранов.

По мнению Гроция, стало быть, неясно, принадлежит ли человеческий род какой-нибудь сотне людей или, наоборот, эта сотня людей принадлежит человеческому роду и на протяжении всей своей книги он, как будто, склоняется к первому мнению. Так же полагает и Гоббс¹⁰. Таким образом человеческий род оказывается разделенным на стада скота, каждое из которых имеет своего вожака берегущего оное с тем, чтобы его пожирать.

Подобно тому, как пастух — существо высшей природы по сравнению с его стадом, так и пастыри людские, кои суть вожаки людей, — существо природы высшей по отношению к их народам. Так рассуждал, по сообщению Филона¹¹, император Калигула, делая из такой аналогии тот довольно естественный вывод, что короли — это боги, или что подданные — это скот.

Рассуждение такого Калигулы возвращает нас к рассуждениям Гоббса и Гроция. Аристотель прежде, чем все они¹², говорил также, что люди вовсе не равны от природы, но что одни рождаются чтобы быть рабами, а другие — господами.

Аристотель был прав; но он принимал следствие за причину. Всякий человек, рожденный в рабстве, рождается для рабства; ничто не может быть вернее этого. В оковах рабы теряют все, вплоть до желания от них освободиться¹³,

¹ «Ученые розыскания о публичном праве часто представляют собою лишь историю давних злоупотреблений, и люди совершенно напрасно давали себе труд слишком подробно их изучать». — (Трактат⁹ о выгодах Франции в сношениях с ее соседями г-на маркиза д'Аржансона, напечатанный у Рей в Амстердаме). Именно это и сделал Гроций.

они начинают любить рабство, подобно тому, как спутники Улисса¹⁴ полюбили свое скотское состояние¹.

Итак, если существуют рабы по природе, так только потому, что существовали рабы вопреки природе. Сила создала первых рабов, их трусость сделала их навсегда рабами.

Я ничего не сказал ни о короле Адаме, ни об императоре Ное¹⁵, отце трех великих монархов, разделивших между собою весь мир, как это сделали дети Сатурна¹⁶, в которых иногда видели этих же монархов. Я надеюсь, что мне будут благодарны за такую мою скромность; ибо, поскольку я происхожу непосредственно от одного из этих государей и, быть может, даже от старшей ветви, то, как знать, не оказался бы я после проверки грамот вовсе даже законным королем человеческого рода? Как бы там ни было, никто не станет отрицать, что Адам был владельцем мира, подобно тому как Робинзон¹⁷ — владельцем своего острова, пока он оставался единственным его обитателем, и было в этом безраздельном обладании то удобство, что монарху, прочно сидевшему на своем троне, не доводилось страшиться ни мятежей, ни войн, ни заговорщиков.

Глава III О ПРАВЕ СИЛЬНОГО

Самый сильный никогда не бывает настолько силен, чтобы оставаться постоянно повелителем, если он не превращает своей силы в право, а повиновения ему — в обязанность. Отсюда — право сильнейшего; оно называется правом как будто в ироническом смысле, а в действительности его возводят в принцип. Но разве нам никогда не объяснят смысл этих слов? Сила — это физическая мощь, и я никак не вижу, какая мораль может быть результатом ее действия. Уступать силе — это акт необходимости, а не воли; в крайнем случае, это — акт благородства. В каком же смысле может это быть обязанностью?

Предположим на минуту, что так называемое право сильнейшего существует. Я утверждаю, что в результате подобного предположения получится только необъяснимая галиматья; ибо, если это сила создает право, то результат меняется с причиной, то есть всякая сила, превосходящая первую, приобретает и права первой. Если только возможно не повиноваться безнаказанно, значит возможно это делать на законном основании, а так как всегда прав са-

¹ См. небольшой трактат Плутарха, озаглавленный: *О разуме бессловесных*.

мый сильный, то и нужно лишь действовать таким образом, чтобы стать сильнейшим. Но что же это за право, которое исчезает, как только прекращается действие силы? Если нужно повиноваться, подчиняясь силе, то нет необходимости повиноваться, следя долгу; и если человек больше не принуждается к повиновению, то он уже и не обязан это делать. Отсюда видно, что слово *право* ничего не прибавляет к силе. Оно здесь просто ничего не значит.

Подчиняйтесь властям. Если это означает — уступайте силе, то заповедь хороша, но излишня; я ручаюсь, что она никогда не будет нарушена. Всякая власть — от Бога¹⁸, я это признаю; но и всякая болезнь от Него же: значит ли это, что запрещено звать врача? Если на меня в лесу нападет разбойник, значит, мало того, что я должен, подчиняясь силе, отдать ему свой кошелек; но, даже будь я в состоянии его спрятать, то разве я не обязан по совести отдать ему этот кошелек? Ибо, в конце концов, пистолет, который он держит в руке, — это тоже власть.

Согласимся же, что сила не творит право и что люди обязаны повиноваться только властям законным. Так перед нами снова возникает вопрос, поставленный мною в самом начале.

Глава IV

О РАБСТВЕ¹⁹

Раз ни один человек не имеет естественной власти над себе подобными и поскольку сила не создает никакого права, то выходит, что основою любой законной власти среди людей могут быть только соглашения.

Если отдельный человек, говорит Гроций²⁰, может, отчуждая свою свободу, стать рабом какого-либо господина, то почему же не может и целый народ, отчуждая свою свободу, стать подданным какого-либо короля? Здесь многое есть двусмысленных слов, значение которых следовало бы пояснить; ограничимся только одним из них — *отчуждаться*. Отчуждаться — это значит отдавать или продавать²¹. Но человек, становящийся рабом другого, не отдает себя; он, в крайнем случае, себя продает, чтобы получить средства к существованию. Но народу — для чего себя продавать? Король не только не предоставляет своим подданным средства к существованию, более того, он сам существует только за их счет, а королю, как говорит Рабле²², немало надо для жизни. Итак, подданные отдают самих себя с условием, что у них заберут также их имущество? Я не вижу, что у них останется после этого.

Скажут, что деспот обеспечивает своим подданным гражданский мир. Пусть так, но что же они от этого выигрывают, если войны, которые им навя-

зывает его честолюбие, если его ненасытная алчность, притеснения его правления разоряют их больше, чем это сделали бы их раздоры? Что же они от этого выигрывают, если самый этот мир становится одним из их бедствий? Спокойно жить и в темницах, но разве этого достаточно, чтобы чувствовать себя там хорошо? Греки, запертые в пещере Циклопа²³, спокойно жили в ней, ожидая своей очереди быть съеденными.

Утверждать, что человек отдает себя даром, значит — утверждать нечто бессмысленное и непостижимое: подобный акт незаконен и недействителен уже по одному тому, что тот, кто его совершает, находится не в здравом уме. Утверждать то же самое о целом народе — это значит считать, что весь он состоит из безумцев: безумие не творит право²⁴.

Если бы каждый и мог совершить отчуждение самого себя, то он не может этого сделать за своих детей; они рождаются людьми и свободными; их свобода принадлежит им, и никто, кроме них, не вправе ею распоряжаться. До того, как они достигнут зрелости, отец может для сохранения их жизни и для их благополучия принять от их имени те или иные условия, но он не может отдать детей безвозвратно и без условий, ибо подобный дар противен целям природы и превышает отцовские права. Поэтому, дабы какое-либо самовластное Правление стало законным, надо, чтобы народ в каждом своем поколении мог сам решать вопрос о том, принять ли такое Правление или отвергнуть его; но тогда это Правление не было бы уже самовластным.

Отказаться от своей свободы — это значит отречься от своего человеческого достоинства, от прав человеческой природы, даже от ее обязанностей. Невозможно никакое возмещение для того, кто от всего отказывается. Подобный отказ несовместим с природою человека; лишить человека свободы воли — это значит лишить его действия какой бы то ни было нравственности. Наконец, бесполезно и противоречиво такое соглашение, когда, с одной стороны, выговаривается неограниченная власть, а с другой — безграничное повиновение. Разве не ясно, что у нас нет никаких обязанностей по отношению к тому, от кого мы вправе все потребовать? И разве уже это единственное условие, не предполагающее ни какого-либо равнозначного возмещения, ни чего-либо взамен, не влечет за собою недействительности такого акта? Ибо какое может быть у моего раба право, обращенное против меня, если все, что он имеет, принадлежит мне, а если его право — мое, то разве не лишены какого бы то ни было смысла слова: мое право, обращенное против меня же?

Гроций и другие видят происхождение так называемого права рабовладения еще и в войнах²⁵. Поскольку победитель, по их мнению, вправе убить побежденного, этот последний может выкупить свою жизнь ценой собственной свободы, — соглашение тем более законное, что оно оборачивается на пользу обоим.

Ясно, однако, что это так называемое право убивать побежденных ни в коей мере не вытекает из состояния войны. Уже хотя бы потому, что люди, пре-

Титульный лист первого издания
«Общественного договора» Ж.-Ж. Руссо.
Амстердам, 1762

бывающие в состоянии изначальной независимости, не имеют столь постоянных сношений между собою, чтобы создалось состояние войны или мира; от природы люди вовсе не враги друг другу²⁶. Войну вызывают не отношения между людьми, а отношения вещей, и поскольку состояние войны может возникнуть не из простых отношений между людьми, но из отношений вещных, поскольку не может существовать войны частной²⁷, или войны человека с человеком, как в естественном состоянии, где вообще нет постоянной собственности, так и в состоянии общественном, где все подвластно законам.

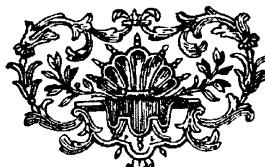
Стычки между отдельными лицами, дуэли, поединки суть акты, не создающие никакого состояния войны; что же до частных войн, установленных Установлениями Людовика IX²⁸, короля Франции, войн, что прекращались Божьим миром²⁹, — это злоупотребления феодального Правления, системы самой бессмысленной³⁰ из всех, какие существовали, противной принципам естественного права и всякой доброй политии.

Итак, война — это отношение отнюдь не человека к человеку, но Государства к Государству, когда частные лица становятся врагами лишь случайно и совсем не как люди и даже не как граждане¹, но как солдаты; не как члены отечества, но только как защитники его.

¹ Римляне, которые знали и соблюдали право войны более, чем какой бы то ни было народ в мире, были в этом отношении столь щепетильны, что гражданину разрешалось служить в войске добровольцем лишь в том случае, когда он обязывался

CONTRAT SOCIAL,

O U
P R I N C I P E S
D U
DROIT POLITIQUE,
PAR J. J. ROUSSEAU,
CITOYEN DE GENÈVE,
— *federis aequas*
Dicamus leges.
Æneid. xi,

A AMSTERDAM,
Chez MARC MICHEL REY,
M. D C C. L X I I .

Наконец, врагами всякого Государства могут быть лишь другие Государства, а не люди, если принять в соображение, что между вещами различной природы нельзя установить никакого подлинного отношения.

Этот принцип соответствует также и положениям, установленным во все времена, и постоянной практике всех цивилизованных народов. Объявление войны служит предупреждением не столько Державам, сколько их подданным. Чужой, будь то король, частный человек или народ, который грабит, убивает или держит в неволе подданных, не объявляя войны государю,— это не враг, а разбойник. Даже в разгаре войны справедливый государь, захватывая во вражеской стране все, что принадлежит народу в целом, при этом уважает личность и имущество частных лиц; он уважает права, на которых основаны его собственные. Если целью войны является разрушение вражеского Государства, то победитель вправе убивать его защитников, пока у них в руках оружие; но как только они бросают оружие и сдаются, переставая таким образом быть врагами или орудиями врага, они вновь становятся просто людьми, и победитель не имеет более никакого права на их жизнь³⁴. Иногда можно уничтожить Государство, не убивая ни одного из его членов. Война, следовательно, не дает никаких прав, которые не были бы необходимы для ее целей. Это — не принципы Гроции, они не основываются на авторитете поэтов, но вытекают из самой природы вещей и основаны на разуме.

Что до права завоевания, то оно основывается лишь на законе сильного. Если война не дает победителю никакого права истреблять побежденных людей, то это право, которого у него нет, не может служить и основанием права на их порабощение. Врага можно убить только в том случае, когда его нельзя сделать рабом, следовательно: право поработить врага не вытекает из права его убить³⁵; значит, это несправедливый обман — заставлять его покупать цену свободы свою жизнь, на которую у победителя нет никаких прав. Ибо разве не ясно, что если мы будем основывать право жизни и смерти на праве рабовладения, а право рабовладения на праве жизни и смерти, то попадем в порочный круг?

Даже если предположить, что это ужасное право всех убивать существует, я утверждаю, что раб, который стал таковым во время войны, или завоеванный народ ничем другим не обязан своему повелителю, кроме как повиновени-

сражаться против врага и именно против определенного врага. Когда легион, в котором Катон-сын³¹ начинал свою военную службу под командованием Попилия, был переформирован, Катон-отец написал Попилию³², что, если тот согласен, чтобы его сын продолжал служить под его началом, то Катона-младшего следует еще раз привести к воинской присяге, так как первая уже недействительна, и он не может более сражаться против врага. И тот же Катон писал своему сыну, чтобы он остерегся принимать участие в сражении, не принеся этой новой присяги. Я знаю, что мне могут противопоставить в этом случае осаду Клузиума³³ и некоторые другие отдельные факты, но я здесь говорю о законах, обычаях. Римляне реже всех нарушали свои законы, и у них одних были законы столь прекрасные.

ем до тех пор, пока его к этому принуждают. Взяв эквивалент его жизни, победитель вовсе его не помиловал: вместо того, чтобы убить побежденного без всякой выгоды, он убил его с пользою для себя. Он вовсе не получил над ним никакой власти, соединенной с силою; состояние войны между ними продолжается, как прежде, сами их отношения являются следствием этого состояния, а применение права войны не предполагает никакого мирного договора. Они заключили соглашение, пусть так; но это соглашение никак не приводит к уничтожению состояния войны³⁶, а, наоборот, предполагает его продолжение.

Итак, с какой бы стороны мы ни рассматривали этот вопрос, право рабовладения недействительно не только потому, что оно незаконно, но также и потому, что оно бессмысленно и ничего не значит. Слова *рабство* и *право* противоречат друг другу; они взаимно исключают друг друга. Такая речь: *Я с тобой заключаю соглашение полностью за твой счет и полностью в мою пользу, соглашение, которое я буду соблюдать, пока это мне будет угодно, и которое ты будешь соблюдать, пока мне это будет угодно* — будет всегда равнозначна смысла независимо от того, имеются ли в виду отношения человека к человеку или человека к народу.

Глава V

О ТОМ, ЧТО СЛЕДУЕТ ВСЕГДА ВОСХОДИТЬ К ПЕРВОМУ СОГЛАШЕНИЮ

Если бы я даже и согласился с тем, что до сих пор отвергал, то сторонники деспотизма не много бы от этого выиграли. Всегда будет существовать большое различие между тем, чтобы подчинить себе толпу, и тем, чтобы управлять обществом. Если отдельные люди порознь один за другим порабощаются одним человеком, то, каково бы ни было их число, я вижу здесь только господина и рабов, а никак не народ и его главу. Это, если угодно, — скопление людей, а не ассоциация; здесь нет ни общего блага, ни Организма политического. Такой человек, пусть бы даже он и поработил полмира, всегда будет лишь частное лицо; его интерес, отделенный от интересов других людей, это всегда только частный интерес. Если только этот человек погибает, то его держава распадается, как рассыпается и превращается в кучу пепла дуб, сожженный огнем.

Народ, говорит Гроций, может поставить над собою короля. По мнению Гроция, стало быть, народ является таковым и до того, как он подчиняет себя королю. Но такое действие представляет собою гражданский акт; оно предполагает решение, принятое народом. Таким образом, прежде чем рассматривать акт, посредством которого народ избирает короля, было бы неплохо рассмотр-

реть тот акт, в силу которого народ становится народом, ибо этот акт, непременно предшествующий первому, представляет собой истинное основание общества³⁷.

В самом деле, не будь никакого предшествующего соглашения, откуда бы взялось — если только избрание не единодушно — обязательство для меньшинства подчиняться выбору большинства? и почему сто человек, желающих господина, вправе подавать голос за десять человек, того совершенно не желающих? Закон большинства голосов сам по себе устанавливается в результате соглашения и предполагает, по меньшей мере единожды, — единодушие.

Г л а в а VI

ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ СОГЛАШЕНИИ

Я предполагаю, что люди достигли того предела, когда силы, препятствующие им оставаться в естественном состоянии, превосходят в своем противодействии силы, которые каждый индивидуум может пустить в ход, чтобы удержаться в этом состоянии. Тогда это изначальное состояние не может более продолжаться, и человеческий род погиб бы, не измени он своего образа жизни.

Однако, поскольку люди не могут создавать новых сил³⁸, а могут лишь объединять и направлять силы, уже существующие, то у них нет иного средства самосохранения, как, объединившись с другими людьми, образовать сумму сил, способную преодолеть противодействие, подчинить эти силы одному движителю и заставить их действовать согласно.

Эта сумма сил может возникнуть лишь при совместных действиях многих людей; но — поскольку сила и свобода каждого человека — суть первые орудия его самосохранения — как может он их отдать, не причиняя себе вреда и не пренебрегая теми заботами, которые есть его долг по отношению к самому себе? Эта трудность, если вернуться к предмету этого исследования, может быть выражена в следующих положениях:

«Найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всею общую силу личность и имущество каждого из членов ассоциации, и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде». Такова основная задача, которую разрешает Общественный договор³⁹.

Статьи этого Договора определены самой природой акта так, что малейшее видоизменение этих статей лишило бы их действенности и полезности; поэтому, хотя они, пожалуй, и не были никогда точно сформулированы, они повсю-

ду одни и те же, повсюду молчаливо принимаются и признаются до тех пор, пока в результате нарушения общественного соглашения каждый не обретает вновь свои первоначальные права и свою естественную свободу, теряя свободу, полученную по соглашению, ради которой он отказался от естественной.

Эти статьи, если их правильно понимать, сводятся к одной-единственной, именно: полное отчуждение каждого из членов ассоциации со всеми его правами в пользу всей общины; ибо, во-первых, если каждый отдает себя всецело, то создаются условия, равные для всех; а раз условия равны для всех, то никто не заинтересован в том, чтобы делать их обременительными для других.

Далее, поскольку отчуждение совершается без каких-либо изъятий, то единение столь полно, сколь только возможно, и ни одному из членов ассоциации нечего больше требовать. Ибо, если бы у частных лиц оставались какие-либо права, то, поскольку теперь не было бы такого старшего над всеми, который был бы вправе разрешать споры между ними и всем народом, каждый, будучи судьей самому себе в некотором отношении, начал бы вскоре притязать на то, чтобы стать таковым во всех отношениях; естественное состояние продолжало бы существовать, и ассоциация неизбежно стала бы тиранической или бесполезной.

Наконец, каждый, подчиняя себя всем, не подчиняет себя никому в отдельности, и так как нет ни одного члена ассоциации, в отношении которого остальные не приобретали бы тех же прав, которые они уступили ему по отношению к себе, то каждый приобретает эквивалент того, что теряет, и получает большие силы для сохранения того, что имеет.

Итак, если мы устраним из общественного соглашения то, что не составляет его сущности, то мы пайдем, что оно сводится к следующим положениям: *Каждый из нас передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого*⁴⁰.

Немедленно вместо отдельных лиц, вступающих в договорные отношения, этот акт ассоциации создает условное коллективное Целое, состоящее из стольких членов, сколько голосов насчитывает общее собрание. Это Целое получает в результате такого акта свое единство, свое общее я, свою жизнь и волю. Это лицо юридическое, образующееся следовательно в результате объединения всех других, некогда именовалось *Гражданской общиной*¹, ныне же

¹ Истинный смысл этого слова почти совсемстерся для людей новых времен: большинство принимает город за Гражданскую общину, а горожанина — за гражданина⁴¹. Они не знают, что город составляют дома, а Гражданскую общину — гражданине. Эта же ошибка в древности дорого обошлась карфагенянам. Я не читал, чтобы подданному какого-либо государя давали титул *civis*⁴², ни даже в древности — македонцам или в наши дни — англичанам, хотя эти последние ближе к свободе, чем все остальные. Одни французы совершенно запросто называют себя *гражданами*, по-
* Гражданин (лат.).

именуется *Республикою*, или *Политическим организмом*: его члены называют этот Политический организм *Государством*, когда он пассивен, *Сувереном*, когда он активен, *Державою* — при сопоставлении его с ему подобными. Что до членов ассоциации, то они в совокупности получают имя *народа*, а в отдельности называются *гражданами* как участвующие в верховной власти, и *подданными* как подчиняющиеся законам Государства. Но эти термины часто смешиваются и их принимают один за другой; достаточно уметь их различать, когда они употребляются во всем их точном смысле.

Гла́ва VII

О СУВЕРЕНЕ

Из этой формулы видно, что акт ассоциации⁴⁴ содержит взаимные обязательства всего народа и частных лиц и что каждый индивидуум, вступая, так сказать, в договор с самим собою, оказывается принявшим двоякое обязательство, именно: как член суверена в отношении частных лиц и как член Государства по отношению к суверену⁴⁵. Но здесь нельзя применить то положение гражданского права, что никто не обязан выполнять обязательства, взятые перед самим собой, ибо велико различие между обязательствами, взятыми перед самим собою, и обязательствами, взятыми по отношению к целому, часть которого ты составляешь.

Следует еще заметить, что, поскольку каждый выступает в двояком качестве, решение, принятое всем народом, может иметь обязательную силу в области отношений всех подданных к суверену, но не может, по противоположной причине, наложить на суверена обязательства по отношению к себе самому, и что, следовательно, если бы суверен предписал сам себе такой закон, от которого он не мог бы себя освободить, — это противоречило бы самой природе Политического организма. Поскольку суверен может рассматривать себя лишь в одном-единственном отношении, то он попадает в положение частного человека, вступающего в соглашение с самим собою⁴⁶; раз так, нет и не может

тому что у них нет, как это видно из их словарей, никакого представления о действительном смысле этого слова; не будь этого, они, незаконно присваивая себе это имя, были бы повинны в оскорблении величества. У них это слово означает добродетель, а не право. Когда Боден собрался говорить о наших Гражданах и Горожанах⁴⁷, он совершил грубую ошибку, приняв одних за других. Г-н д'Аламбер не совершил этой ошибки, и в своей статье *Женева*⁴⁸ хорошо показал различия между всеми четырьмя (даже пятью, если считать простых иностранцев) разрядами людей в нашем городе, из которых лишь два входят в состав Республики. Ни один из известных мне французских авторов не понял истинного смысла слова *гражданин*.

быть никакого основного закона, обязательного для Народа в целом, для него не обязателен даже Общественный договор⁴⁷. Это, однако, не означает, что Народ, как целое, не может взять на себя таких обязательств по отношению к другим, которые не нарушают условий этого Договора, ибо по отношению к чужеземцу он выступает как обычное существо, как индивидуум.

Но Политический организм или суверен, который обязан своим существованием лишь святыни Договора⁴⁸, ни в коем случае не может брать на себя таких обязательств, даже по отношению к другим, которые сколько-нибудь противоречили бы этому первоначальному акту, как, например, отчуждение какой-либо части самого себя или подчинение себя другому суверену. Нарушить акт, благодаря которому он существует, значило бы уничтожить самого себя, а пичто ничего и не порождает.

Как только эта масса людей объединяется таким путем в одно целое, уже невозможно причинить вред ни одному из его членов, не задевая целое, и тем более нельзя причинить вред целому так, чтобы члены его этого не почувствовали. Стало быть и долг, и выгода в равной мере обязывают обе договаривающиеся стороны взаимно помочь друг другу; и одни и те же люди должны стремиться использовать в этом двояком отношении все преимущества, которые дает им объединение.

Итак, поскольку суверен образуется лишь из частных лиц, у него нет и не может быть таких интересов, которые противоречили бы интересам этих лиц; следовательно, верховная власть суверена нисколько не нуждается в поручителе перед подданными, ибо невозможно, чтобы организм захотел вредить всем своим членам; и мы увидим далее, что он не может причинять вред никому из них в отдельности⁴⁹. Суверен уже в силу того, что он существует, является всегда тем, чем он должен быть.

Но не так обстоит дело с отношениями подданных к суверену; несмотря на общий интерес, ничто не могло бы служить для суверена порукою в выполнении подданными своих обязательств, если бы он не нашел средств обеспечить их верность себе.

В самом деле, каждый индивидуум может, как человек, иметь особую волю, противоположную общей или несходную с этой общей волей, которой он обладает как гражданин. Его частный интерес может внушать ему иное, чем то, чего требует интерес общий. Само его естественно независимое существование может заставить его рассматривать то, что он должен уделять общему делу, лишь как безвозмездное приношение, потеря которого будет не столь ощутима для других, сколь уплата этого приношения обременительна для него, и если бы он рассматривал то юридическое лицо, которое составляет Государство, как отвлеченное существо, поскольку это — не человек, он пользовался бы правами гражданина, не желая исполнять обязанностей подданныго; и эта несправедливость, усугубляясь, привела бы к разрушению Политического организма.

Итак, чтобы общественное соглашение не стало пустой формальностью, оно молчаливо включает в себя такое обязательство, которое одно только может дать силу другим обязательствам: если кто-либо откажется подчиниться общей воле, то он будет к этому принужден всем Организмом, а это означает не что иное, как то, что его силою принудят быть свободным. Ибо таково условие, которое, подчиняя каждого гражданина отечеству, одновременно тем самым ограждает его от всякой личной зависимости: условие это составляет секрет и двигательную силу политической машины, и оно одно только делает законными обязательства в гражданском обществе, которые без этого были бы бессмысленными, тираническими и открывали бы путь чудовищнейшим злоупотреблениям.

Глава VIII

О ГРАЖДАНСКОМ СОСТОЯНИИ

Этот переход от состояния естественного к состоянию гражданскому производит в человеке весьма приметную перемену, заменяя в его поведении инстинкт справедливостью и придавая его действиям тот нравственный характер, которого они ранее были лишены. Только тогда, когда голос долга сменяет плотские побуждения, а право — желание, человек, который до сих пор считался только с самим собою, оказывается вынужденным действовать сообразно другим принципам и советоваться с разумом, прежде чем следовать своим склонностям. Хотя он и лишает себя в этом состоянии многих преимуществ, полученных им от природы, он вознаграждается весьма значительными другими преимуществами; его способности упражняются и развиваются, его представления расширяются, его чувства облагораживаются и вся его душа возвышается до такой степени, что если бы заблуждения этого нового состояния не низводили часто человека до состояния еще более низкого чем то, из которого он выпел, то он должен был бы непрестанно благословлять тот счастливый миг, который навсегда вырвал его оттуда и который из тупого и ограниченного животного создал разумное существо — человека.

Сведем весь этот итог к легко сравнимым между собой положениям. По Общественному договору человек теряет свою естественную свободу и неограниченное право на то, что его прельщает и чем он может завладеть; приобретает же он свободу гражданскую и право собственности на все то, чем обладает. Чтобы не ошибиться в определении этого возмещения, надо точно различать естественную свободу, границами которой является лишь физическая сила индивидуума, и свободу гражданскую, которая ограничена общей волей,

а также различать обладание, представляющее собой лишь результат применения силы или право того, кто пришел первым, и собственность, которая может основываться лишь на законном документе.

К тому, что уже сказано о приобретениях человека в гражданском состоянии, можно было бы добавить моральную свободу, которая одна делает человека действительным хозяином самому себе; ибо поступать лишь под воздействием своего желания есть рабство, а подчиняться закону, который ты сам для себя установил, есть свобода. Но я уже и так сказал по этому вопросу более, чем достаточно, а определение философского смысла слова *свобода* не входит в данном случае в мою задачу.

Глава IX

О ВЛАДЕНИИ ИМУЩЕСТВОМ

Каждый член общины подчиняет себя ей в тот момент, когда она образуется, таким, каков он есть в это время, подчиняется ей самого себя и все свои силы, составной частью которых является и принадлежащее ему имущество. Это не означает, что вследствие такого акта владение, переходя из рук в руки, изменяет свою природу и становится собственноностью в руках суперена. Но так как силы Гражданской общины несравненно больше, чем силы отдельного человека, то и ее владение фактически болееочно и неоспоримо, хотя и не становится более законным, по крайней мере, в глазах чужеземцев. Ибо Государство является в отношении своих членов хозяином всего их имущества в силу Общественного договора, который в Государстве служит основою всех прав; но для других Держав Государство является таковым лишь по праву первой заимки, перешедшему к нему от отдельных лиц.

Право первой заимки, хотя оно и в большей степени является таковым, нежели право сильного, превращается в подлинное право лишь после того, как установлено право собственности. Каждый человек от природы имеет право на все, что ему необходимо; но акт положительного права, делающий его собственником какого-либо имущества, лишает его тем самым прав на все остальное. Получив свою часть, он должен ограничиться ею и не имеет больше никакого права на то, что принадлежит общине. Вот почему право первой заимки, столь непрочное в естественном состоянии, безоговорочно уважается всяким человеком, принадлежащим к гражданскому обществу. В понимании этого права уважается не столько чужое, сколько то, что не принадлежит тебе.

Вообщю же, для того чтобы узаконить право первой заимки на какой-либо участок земли, необходимы следующие условия: во-первых, чтобы на этой

земле еще никто не жил; во-вторых, чтобы занято было лишь столько, сколько необходимо, чтобы прокормиться; в-третьих, чтобы вступали во владение землею не в силу какой-либо пустой формальности, но в результате расчистки и обработки ее — этого единственного признака собственности, который при отсутствии юридических документов должен быть признаваем другими.

В самом деле, признать право первой заемки за потребностями и трудом⁵⁰ — не значит ли это распространить это право настолько, насколько оно может простираться? Можно ли не ставить границ этому праву? Достаточно ли ступить ногой на общий участок земли, чтобы провозгласить себя тотчас же его хозяином? Достаточно ли иметь силу, необходимую для того, чтобы прогнать оттуда на некоторое время других людей, чтобы отнять у них право когда-либо вернуться на этот участок? Как может человек или народ завладеть огромною территорией, лишив человеческий род этой территории, иначе, как не в результате наказуемого захвата, поскольку этот акт лишает других людей мест обитания и источников существования, которые природа дает им всем в общее пользование? Когда Нуинес Бальбоа⁵¹, став на берегу, объявил от имени Кастильской короны, что он вступает во владение Южным морем и всей Южной Америкой, было ли этого достаточно, чтобы лишить всех жителей этих стран их владений и преградить доступ в них всем государям мира? Такого рода формальные акты повторялись впоследствии неоднократно и довольно безуспешно; и католический король мог бы сразу завладеть из кабинета всем миром, но ему пришлось бы затем исключить из своих владений все то, чем ранее еще завладели другие государи.

Теперь понятно, каким образом соединенные и смежные земли частных лиц превращаются в территорию, подвластную всему народу, и каким образом право суверенитета, распространяясь с подданных на занимаемые ими участки земли, становится одновременно вещественным и личным, что ставит их владельцев в большую зависимость, и самые их силы делает залогом их верности. Монархи древности, видимо, не понимали как следует этого преимущества и, называя себя лишь царями персов, скифов, македонян, считали себя не столько господами стран, сколько повелителями людей. Государи нашего времени именуют себя более хитро королями Франции, Испании, Англии и т. д. Владея таким образом землей, они могут быть вполне уверены в том, что ее обитатели у них в руках.

Примечательно в этом отчуждении то, что община, принимая земли частных лиц, вовсе не отбирает у них эти земли, — она лишь обеспечивает этим лицам законное владение ими, превращая захват в подлинное право, а пользование в собственность. Теперь уже владельцы рассматриваются как хранители общего достояния⁵², их права признаются всеми членами Государства и защищаются всеми силами этого Государства от чужеземца, и эти частные лица, в результате уступки, выгодной для всего общества, а еще более для них самих, приобретают, так сказать, все то, что отдали: парадокс этот, как мы это

увидим далее, очень легко объясняется различием прав, которые имеют суверен и собственник на одну и ту же землю.

Может также случиться, что люди начинают объединяться раньше, чем они стали чем-либо обладать, и, захватив затем участок земли, достаточный для всех, пользуются им сообща или разделяют его между собой либо поровну, либо в определенных соотношениях, устанавливаемых сувереном. Каким бы путем ни происходило это приобретение, право, которое каждое частное лицо имеет на свою собственную землю, всегда подчинено тому праву, которое община имеет на все земли, без чего не было бы ни прочности в общественных связях, ни действительной силы в осуществлении суверенитета⁵³.

Я закончу эту главу и эту книгу замечанием, которое должно служить основою всей системы отношений в обществе. Первоначальное соглашение не только не уничтожает естественное равенство людей, а, напротив, заменяет равенством как личностей и перед законом все то неравенство, которое внесла природа в их физическое естество; и хотя люди могут быть неравны по силе или способностям, они становятся все равными в результате соглашения и по праву¹.

КНИГА II

Глава I

О ТОМ, ЧТО СУВЕРЕНИТЕТ НЕОТЧУЖДАЕМ

Первым и самым важным следствием из установленных выше принципов является то, что одна только общая воля может управлять силами Государства в соответствии с целью его установления, каковая есть общее благо. Ибо, если противоположность частных интересов сделала необходимым установление общества, то именно согласие этих интересов и сделало сие возможным. Общественную связь образует как раз то, что есть общего в этих различных ин-

¹ При дурных Правлениях это равенство лишь кажущееся и обманчивое; оно служит лишь для того, чтобы бедняка удерживать в его пищете, а за богачом сохранять все то, что он присвоил. На деле законы всегда приносят пользу имущим и причиняют вред тем, у кого нет ничего: отсюда следует, что общественное состояние выгодно для людей лишь поскольку они все чем-либо обладают и поскольку ни у кого из них нет ничего излишнего.